

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 28 (6274) 29 января 1935 г., вторник. ЦЕНА 10 КОП.

Вчера открылся VII Всесоюзный Съезд Советов.
Съезд строителей социализма восторженно приветствовал
рабоче-крестьянское правительство и великого вождя народов
Союза ССР СТАЛИНА.
Бесконечными овациями, ликующими возгласами Съезд еще раз
продемонстрировал сплоченность трудящихся, их беззаветную
любовь и преданность своей партии, своему правительству.

Президиум VII Всесоюзного Съезда Советов слушает доклад тов. В. М. МОЛОТОВА. На снимке: товарищи СТАЛИН, КАГАНОВИЧ, ВОРОШИЛОВ, КАЛИНИН, ОРДЖОНИКИДЗЕ, КОСИОР, ПЕТРОВСКИЙ, СУЛИМОВ, ЛЮБЧЕНКО, ФИЛАТОВ, МУСАБЕКОВ и РАХИМБАЕВ.

Речь тов. М. И. КАЛИНИНА на открытии VII Съезда Советов.

Товарищи, лишь вчера мы похоронили Валериана Владимировича КУБЫШЕВА, казалось, человека полного сил и здоровья. Нет возможности — слишком велика у нас память о живом, действенном Кубышеве — говорить о его заслугах перед партией, перед партией, — отмечу лишь, что советская власть потеряла крупного государственного деятеля, партия потеряла верного, последовательного большевика, организатора и бойца за идеалы партии.

Столь же тяжелым событием, постигшим нашу страну, является убийство члена Центрального Комитета коммунистической партии и его Политбюро, секретаря Центрального Комитета и члена Президиума Центрального Исполнительного Комитета — Сергея Мироновича КИРОВА.

Враг своим злодейским делом снял с отечественной почвы прекрасного руководителя ленинградского пролетариата и крестьян Ленинградской области. Перестало биться сердце большого человека, друга ленинградских рабочих и непримиримого бойца за идеалы рабочего класса.

Вместе с ленинградским пролетариатом мы глубоко переживаем смерть Сергея Мироновича, долго, долго будем помнить о нем, сохраним, дополним и разовьем его огромный вклад в борьбу за полную победу рабочего класса, будем, как и он, обогащать теоретический революционный марксизм, под руководством товарища СТАЛИНА, смело и бесстрашно сражаясь за то, что мы называем, противостоять протворению в жизнь заветов ЛЕНИНА.

Предлагаю почтить память Валериана Владимировича Кубышева и Сергея Мироновича Кирова оставшимся. (ВСЕ ВСТАЮТ).

Товарищи, на VII Съезде Советов Союза рабочих Советских Социалистических Республик. При его открытии, на I Съезде Советов товарищ СТАЛИН говорил:

«В истории советской власти сегодняшний день является переломным. Он отделяет эпоху старых, уже пройденных периодов, когда советские республики, хотя и действовали вместе, но шли разрозненно, занимая прежде всего вопросы своего существования, и между ними, уже открывшимся периодом, когда для советского государства становится решающим фактом, когда республика объединяется в единое советское государство для успешной борьбы с хозяйственной разрухой, когда советская власть думает уже не только о существовании, но и о том, чтобы развиться в серьезную международную силу, могущую оказывать на международную обстановку, могущую изменить ее в интересах трудящихся».

Товарищи, я позволю себе пропустить, насколько это важно, в жизнь высказанные товарищем СТАЛИНЫМ мысли. Нет оснований думать, что исключительную нишу крестьянской бедноты и даже среднего крестьянства, почти поголовную неграмотность, занятость в каторжной и принудительной передовой, русификаторской и собственными кулаками почти всех национальностей в старой России, беспрерывное похищение рабочих при нищенской заработной плате, таковая была картина дореволюционной России.

Не лучше было положение на Украине: политический гнет против украинской культуры, господство помещиков и помещичьей земельной собственности, угнетение украинского крестьянства, которое характеризовалось теми фактами, что ежегодно сотни тысяч переселенцев тонули на Волге, в Сибирь, в Амур, на заработок и в германских помещиках. Но исходное положение, от которого началось строительство нового Союза.

Сегодняшний день, самый злойший враг не может скрыть роста, — надо прямо

сказать, в истории исключительного по темпам развития национальных культур, хозяйства. Крестьянские войны выжили, люди выросли, в каждой национальности появились руководители, вышедшие из среды собственного народа, — бойцы за социализм.

Конечно, это только начало развития народного творчества и энергии. Сделано еще мало, задачи вперед еще огромны. Основной продукт сельского хозяйства среднеазиатских советских республик — хлопок. Производство его удвоилось с довоенного времени, но потребность в нем выросла до необходимости нового удвоения.

Промышленность Узбекистана характеризуется такими стройками, как Чирчикская, Ташкентская, Самаркандская. В Таджикистане — Вохжанское строительство и большое строительство — дорожное и ирригационное. В Туркменистане разрабатывается строительство большого химического комбината в Кербугазе.

Закавказские республики, которые еще недавно имели кибиточное население, сейчас нуждаются в притоке рабочей силы извне. При большом промышленном строительстве выросла новая сельскохозяйственная культура — производство чая.

Белорусия — еще недавно примитивная крестьянская страна — выходит на широкую дорогу развития промышленности и сельского хозяйства, она преобразуется в промышленный, степной, БССР стала страной сплошной грамотности.

В Бурятия-Монголии строится большой автомобильный завод, комбинат. В Республике немцев Поволжья — моторы, дзвонки и т. д., — повсюду идет строительство, растет культура.

Не случайно из 6 награжденных орденом Ленина ЦИМ Союза областей и республик три оказались национальностями: Татария, Крым, Кебердин-Беллария. В ближайшие 2—3 года надо ожидать резкого увеличения производства в Казахстане.

Каждая народность растет и увеличивает производительности. И это естественно, ибо в этом состоит сила народов.

Какие причины столь необычного роста народов Союза, и в особенности отсталых?

Конечно, в первую очередь захват власти пролетариатом, социалистическое содержание советского государства дает элементы этого роста, но главное товарищ СТАЛИН, что лишь объединенным членам можно идти вперед и хозяйственным и культурным успехам национальных республик, протворение в жизнь этой мысли является важнейшим, неизменным фактором этих успехов.

Товарищи, с чувством глубокого удовлетворения народы — от Крайнего Севера, от Сибири до последней южной черты Таджикистана, от украинского запада до берегов Тихого океана — объединены в единый великий, величественный союз, в социалистическое строительство, развитие своих национальных культур, развитие Союза Советских Социалистических Республик.

Несмотря на огромные пространства, различные формы культуры и языка, мы все имеем одной трудовой армии, протворение в жизнь идеи великой коммунистической партии — партии ЛЕНИНА.

Наше строительство и победы, наше единство опираются на великий трудящийся Союз СТАЛИНЫМ, и Союз не воле народа будет отменен!

Товарищи, на Съезде присутствует 1.974 делегата с решающим голосом, значит Съезд правомочен.

По поручению Центрального Исполнительного Комитета Союза объявляю VII Съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов открытым. (АПЛОДИСМЕНТЫ).

Отчетный доклад тов. МОЛОТОВА о работе правительства VII Съезду Советов СССР.

I. Две линии мирового развития.

Товарищи! Четыре года тому назад VI Съезд Советов заявил, что вопрос о победе социализма в нашей стране решен и победа социализма полностью обеспечена. Этот вывод основывался на том, что в народном хозяйстве уже тогда господствующее положение заняли социалистические элементы. Уже тогда в промышленности почти не оставалось капиталистических элементов. Незначительна их роль была и в торговле. Подорвана была также роль кулачества в деревне.

Но к тому времени только одна треть крестьян вступила в колхозы, подавляющее же большинство крестьян оставалось еще единоличниками и было связано со своим частнособственническим хозяйством, а, следовательно, с капиталистическим элементом. Известно, что главную массу нашего населения составляли крестьяне. Поэтому в тот период только меньшинство населения Советского Союза было непосредственно занято в социалистическом хозяйстве.

С тех пор положение изменилось. Социализм сделал громадные продвижения вперед в нашей стране, социалистический уклад стал безраздельно господствующим во всем народном хозяйстве. Почти четыре-пять миллионов крестьян вступило в колхозы. Следовательно, не только рабочие, но и крестьяне в своей массе вступили в ряды строителей социализма и строили своими руками социалистическое общество. В результате этого непосредственным социалистическим строителям теперь уже занято подавляющее большинство населения нашей страны. (АПЛОДИСМЕНТЫ).

Таков основной итог нашего развития за эти годы. Таков основной итог ленинской партии и ленинского руководства всем социалистическим строительством. (АПЛОДИСМЕНТЫ).

Работы бы ни были отдельные трудности и недостатки нашего строительства, никто не может отрицать того, что и за последние четыре года на года в год страна шла по пути победы, по пути улучшения условий жизни широких масс народа. Еще лучшее положение и перспективы открываются перед нами теперь, когда основная масса трудящихся порвала с частной собственностью и встала на путь социализма, который обеспечивает большую производительность труда и невиданный раньше подъем благосостояния и культуры трудящихся. Вот почему тот, кто раньше был врагом социализма, является теперь только лучшей оценкой успехов борьбы трудящихся нашей страны, успехов нашего строительства. Он, вместе с тем, открывает перспективы Советского Союза, раскрывает наши возможности на будущее.

Мы не можем, однако, говорить только о себе, о своей стране, жывая в окружении капиталистических стран. Понятно, что мы сравниваем то, что происходит у нас, с тем, что происходит в капиталистических странах.

Союз Советских Социалистических Республик — один мир, который живет своей общей жизнью. Мы все еще единственная социалистическая республика, хотя она и является социалистическим союзом многих больших и малых народов, многих наций со значительными особенностями в укладе жизни.

Другой мир представляют капиталистические страны. Этот мир живет своей жизнью, отличной от нашей.

Последние годы с особенной силой показали, какой опасный путь развития капиталистических стран.

Четыре года тому назад на Съезде Советов приходилось говорить о мировом экономическом кризисе, о глубоком кризисе, который захватил все страны капитализма. Вышли ли эти страны из кризиса с того времени? Нет, не вышли. Не потому, что мы — противники капитализма, нам приходится говорить вот уже шестой год об экономическом кризисе, о судохоты, которые триста капиталистических стран. Не только противники, но и поклонники капитализма не могут отрицать факта, что все эти годы экономический кризис раздирает капиталистическое общество и продолжает раздирать до настоящего времени. Вот почему снова и снова приходится говорить об экономическом кризисе в странах капитализма, о том, как низко упало хозяйство этих стран, как свертывается здесь работа в области культуры, как обостряется борьба между классом эксплуататорских и классом эксплуататоров, как обостряется также борьба между двумя государствами и на-

растает опасность войны. Все новое и новое факты свидетельствуют о том, что особая тяжесть текущего экономического кризиса может быть понята только в том случае, если дать себе отчет в том, что на наших глазах уже второе десятилетие развращается общий кризис капиталистической системы, что все больше и больше усиливаются процессы загнивания капитализма.

Кризис охватил все капиталистические страны. Кризис переживает не только промышленность, но и сельское хозяйство во всех его отраслях. Кризис отразился и на торговле, и на кредите, и на всей остальной экономической жизни этих стран. Никогда так низко не падал уровень промышленного производства, как в последние годы, и никогда не было в прошлом такого положения, чтобы кризис танулся дать с лихвой лет. Последний год не принес каких-либо существенных изменений в развитии экономического кризиса, хотя уровень мирового промышленного производства несколько поправился по сравнению с предыдущим годом.

Вот некоторые данные о движении промышленного кризиса за последний период:

ОБЪЕМ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В ПРОЦЕНТАХ К 1929 ГОДУ.

СТРАНЫ	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
СССР	100	130	162	185	202	239
США	100	81	68	54	65	67
Англия	100	92	84	84	88	96
Германия	100	88	72	60	69	86
Франция	100	101	89	69	77	71
Италия	100	92	78	67	74	80
Весь мир (без СССР)	100	85	74	62	71	76

Из этой таблицы еще не достигнут уровень 1929 года, когда кризис только начался. В Соединенных Штатах Америки промышленное производство все еще на 33% ниже уровня 1929 года. Во Франции в 1934 году уровень промышленного производства понизился даже против 1933 года и был на 29% ниже предкризисного периода, а в Италии — на 20% ниже этого периода. Германия показывает рост промышленной продукции в 1934 г., но все же промышленное производство в Германии на 14% ниже уровня 1929 года. Ближе всего к 1929 году подошло промышленное производство в Англии, но и здесь промышленность все еще не достигла даже довоенного уровня.

Факты 1934 года свидетельствуют о большой неравномерности в развитии промышленности разных государств. При наличии более или менее выраженных тенденций роста промышленной продукции в большинстве стран в отдельных случаях мы все же имеем и в прошлом году понижение уровня (Франция).

В общем объем мировой промышленной продукции увеличился с 71% в 1933 г. до 76% в 1934 году. Таким образом, объем мировой промышленной продукции все еще на 24% ниже уровня 1929 года. Сравните это положение с Советским Союзом, где в 1929 году объем промышленной продукции увеличился на 139% (АПЛОДИСМЕНТЫ).

Факты не только подтверждают выводы товарища СТАЛИНА на XVII Съезде партии. Точка наибольшего упадка промышленности, наибольшей глубины промышленного кризиса пройдена в 1932 году. После этого кризис вступил в стадию депрессии, но не такой депрессии, как это было во времена прежних промышленных кризисов. Тогда пережит кризис в депрессию был не только пережит нагилом и выхолом из него кризиса, но и подготовкой нового расцвета промышленности. Теперь мы имеем переход от кризиса к депрессии особого рода, и известному нарастанию промышленной продукции только по сравнению с крайней точкой падения промышленности, но когда имеющийся нарастание промышленной продукции признают новым промышленным расцветом. Теперь мы имеем дело не с промышленной депрессией довоенного периода, когда капитализм через кризис шел к новому подъему, а с депрессией особого рода, свойственной капитализму загнивающему, капитализму в его последний стадии.

Нам особенно важно, как все это отразилось на положении рабочих и крестьян, на положении трудящихся.

Если промышленный подъем так же захватил и в Индии и в одной капиталистической стране, то положение дел с безработицей говорит само за себя. Количество безработных в 1933 году исчислялось в 22—23 миллиона. В конце 1934 года количество безработных остается на том же уровне, т. е. не меньше 22 млн. человек. Даже в странах, где за последний год объем промышленной продукции увеличился, фонд заработной платы остался, примерно, на прежнем уровне или увеличился совсем незначительно. Это значит, что

у многих рабочих, имеющих работу, заработная плата понижена. Таким образом, капитализм стремится выбраться из кризиса за счет рабочих, за счет трудящихся.

В отношении сельского хозяйства в капиталистических и колониальных странах 1934 год был годом значительного неурода зерновых и технических культур, а также годом дальнейшего упадка животноводства. В целях завуалирования неурода производители и кулацкие хозяйства буржуазные правительства ведут нередко политику прямого сокращения посевных площадей и политики отказа от машинной техники в земледелии, но этим они только обрекают сельское хозяйство на дальнейший упадок. В связи с этим, положение крестьянских масс в капиталистических странах и в колониях еще больше ухудшилось. Таким образом, то, что делалось правящими кругами для уменьшения кризиса в странах капитализма, делалось за счет крестьян, за счет трудящихся, в пользу господствующих эксплуататорских классов.

После этого не трудно сравнить две линии мирового развития.

Подъем народного хозяйства, неутолимый из года в год, — путь развития СССР, страны строившегося социализма. Кризис промышленности и всего народного хозяйства, продолжавшийся в течение более пяти лет и, несмотря на некоторые улучшения, не открывающий перспектив нового расцвета, — таков путь развития капиталистических стран, путь загнивающего капитализма.

Нашу территорию, где не было и нет экономического кризиса, отделил от капиталистических стран, где кризис продолжается и еще причиняет огромные бедствия, границы Союза Советских Социалистических Республик. (АПЛОДИСМЕНТЫ). Рабочие теперь видят, что в капиталистических государствах с любой системой управления — от парламентской до фашистской — экономические кризисы со всеми их губительными последствиями неизбежны. И наоборот. Теперь не только на теории марксизма, но и на живых фактах, которые у всех на глазах, рабочие убеждаются в том, какой общественный строй извращает экономические кризисы и открывает неограниченные возможности для экономического и культурного подъема.

Как в 1917 году Россия своей Октябрьской революцией показала путь к окончанию мировой войны, вывела страну из войны и спасла этим миллионы людей от смерти, так за эти последние пять лет наша страна показала, в чем выход из экономического кризиса и как рабочие могут этого достигнуть. (Бурные аплодисменты).

Составление Советского Союза с буржуазными странами, особенно за эти последние годы, раскрывает принципиальный смысл и мировое значение диктатуры пролетариата в СССР, как государства с неуклонным хозяйственным и культурным подъемом, как единственного государства, которому кризисы не страшны. (Бурные аплодисменты).

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДОКЛАДА ТОВА. МОЛОТОВА СМ. НА 2-Й СТР.

использующийся упадок животноводства. Это сильно задерживало рост валовой продукции всего сельского хозяйства.

С 1933 года, когда реорганизационный процесс в сельском хозяйстве закончился, началась заметный подъем зерновых и технических культур. Прежде всего это относится к зерновым культурам. В результате этого уже в 1933 г. валовой сбор хлеба был на 590 млн пудов больше, чем валовой сбор с той же территории (в границах СССР) в 1913 году, считавшейся исключительно урожайным годом. В 1934 г. общий урожай зерновых хлебов в Союзе остался на уровне 1933 года, однако фактический сбор хлеба в прошлом году в результате уменьшения потерь при уборке оказался на 250—300 млн пудов больше, чем в 1933 году. Надо сказать при сравнении с 1913 годом также со следующими обстоятельствами: в 1913 году за границу было вывезено свыше 600 млн пудов хлеба, а в 1934 году—только 60 млн пудов, а весь остальной хлеб остался внутри страны для нашего населения. Эти успехи социалистического земледелия и дали нам возможность отменить хлебные карточки.

Подъем технических культур движется у нас вперед гораздо медленнее. Продукция технических культур возросла за последние два года только на 5,2%. Особенно здесь нас держит низкая урожайность.

Несмотря на это, два посевных года отразили уже начало общего подъема сельского хозяйства.

В текущем году нами поставлена задача по значительному увеличению продукции сельского хозяйства во всех его отраслях. Мы должны добиться за этот год увеличения валовой продукции сельского хозяйства на 2,5 млрд руб., т. е. увеличении на 16,4%. Добиться такого роста, сельское хозяйство по своим темпам подъема пойдет в ногу с индустрией. Это соответствует задачам, поставленным партией пятилеткой. Эти задачи большие и трудные, но она действительно достойна воле, колхозной дисциплины, достойна советской земли.

Важнейшей задачей сельского хозяйства является сейчас подъем животноводства. На XVII Съезде партии товарищ Сталин поставил перед нами и перед всей колхозной деревней задачу обеспечить перелом в развитии животноводства уже в 1934 году. Теперь мы можем сказать, что прошлый год действительно был началом этого перелома.

В моем распоряжении имеются только что полученные ЦУНХУ данные о переписи по животноводству, произведенной 1 января 1935 года. Эти данные еще не полны, но отличаются совколом, относятся только к колхозно-крестьянскому сектору. Эти данные относятся к Северному, Горьковскому, Саратовскому, Сталинградскому, Азово-Черноморскому и Западно-Сибирскому краям, к Московской, Ивановской, Западной, Свердловской, Курской и Воронежской областям, к Башкирии, Татарии, Крыму и Украине, но они уже дают возможность судить о происшедшем за 1934 год переломе в животноводстве в целом.

При сравнении с соответствующими данными учета за 1 января 1934 года данные на 1 января 1935 года показывают, что за прошлый год у колхозов количество лошадей увеличилось на 8,5%, хотя в целом по колхозно-крестьянскому сектору был еще некоторое уменьшение стада (на 3%). По крупному рогатому скоту за прошлый год в колхозах увеличение достигло 30%, а в целом по колхозно-крестьянскому сектору—21%; по телатам в колхозах увеличение больше чем втрое, а по колхозно-крестьянскому сектору в целом—на 94%. По овцам и козам по колхозам увеличение на 18%, а по колхозно-крестьянскому сектору в целом увеличилось на 11%. По свиньям у колхозов увеличение на 27%, а по колхозно-крестьянскому сектору в целом увеличение на 118%, так как в индивидуальном хозяйстве колхозников свиное стадо за прошлый год выросло почти в 4 раза.

Таким образом, данные переписи 1935 года показывают значительный шаг вперед в развитии животноводства в колхозно-крестьянском секторе и, особенно, в колхозах. Упадок животноводства—пройденная полоса. Мы можем начать подъем животноводства и в текущем году должны двинуть по-настоящему это дело вперед на основе государственного плана подъема животноводства, всемерно укрепляя колхозные и животноводческие фермы и содействуя росту скота и птицы у отдельных колхозников. Совхозы должны занять в этом покое место животноводства свое место, указанное Пленумом ЦК партии. Эти вопросы на съезде будут посвящены специальные доклады Наркомата Земледелия и Наркомхозов.

Не только в отношении животноводства, но также в отношении зерновых и технических культур перед нами стоят новые, более крупные задачи, чем в прошлые годы. Наше сельское хозяйство вооружено теперь сельскохозяйственными машинами, тракторами, комбайнами и автомобилями, как никогда раньше, и мы должны добиться еще других, более высоких, чем в прошлый период, темпов подъема сельского хозяйства.

Недалеко ушло время, когда нам приходилось десятилетия тысяч ввозить трактора из-за границы. На один ввоз этих тракторов, которых мы ввели в течение 1922—1931 гг. всего 86 тысяч штук, наше государство переплатило свыше 200 млн золотых рублей, понимая, что это было необходимо в свое время. Чтобы этот расход государства окупить, достаточно сказать, что в прошлом году, когда за границей можно было вывезти от продажи пуда пшеницы 48 коп. золотом, а от продажи пуда ржи 27 коп. золотом, мы могли бы окупить этот расход на трактора только продажей за границу 500 миллионов пудов хлеба.

С тех пор положение изменилось. Мы построили свои тракторные заводы и за один прошлый год произвели за них 93,5 тысяч тракторов. За отчетный период мы уже дали сельскому хозяйству (колхозам и совхозам) не одну сотню тысяч тракторов и других машин. В течение 1935 года мы должны дать только машинно-тракторным станциям 68,5 тысяч тракторов, 10 тысяч автомашин, 14,6 тысяч комбайнов и много других нужнейших машин и орудий. Надо только заучиться хорошо использовать эти машины, тогда деревня начнет азартно и культурно.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДОКЛАДА
ТОВ. МОЛОТОВА С.М. НА 4-й СТР.

VII Съезд Советов Союза ССР.

ВОЖДЬ.

«Великое имя
ворвалось, как взрыв,
Как песня,
как грохот орудий!»
И вот,
по просторам
завоев и мив,
Невиданным эхом
его повторил,
Опеченной стеной
поднимаются люди,
Та люди,
чья сила,
чья мысль и размах
Куют
и растут
коммунизма грядущу
В канавках долинках,
В сибирских пещерах,
В канавках степей
и в цехах Ленинграда,
Те люди,
чья воля,
чья дивная напор
Направили Волгу
путем небывалым,
Садами обнови
расщепленные горы
И каналы прошли
Беломорским каналом,—
И нет уже
завали
большого дворца,
Не видны совсем
потопки над соборами,
Есть только лишь лица,
Глаза и сердца
И руки,
гремящие страстным прибоем
Приветствия,
которым не видно конца.
Иезуиты, пошляки,
растланные стени,
От маленьких плетей
на остальное племя,
Грохочут машины,
пылают мартены,
Лопочут копыла,
гудят города,
Копытятся хлопцы,
летят самолеты,
Огнями пылают
озера берега,
Вскрываются недра,
бурются высоты,
И песню труда
запевают тайга,
Пронеслись танки,
волнуется вода,
До самого солнца
летит стратостат,
Встанут очертания
домов и заводов,
Которые будут,
которых растят...
И тут же
несется
все ближе и ближе
Приветственный клич
громоноснейших слов

Иа тюрем Берлина,
От гор Астурских, от
от чешских цехов,
Разносятся песни...
Летит, боевая,
От улиц Нью-Йорка
на черной бомбе,
От польской равнины
до армян Игиты,
С английской земли
до японских полей.
Все те,
кто поднялись
для страшного боя
За знамя,
которое дал большевик,
За самое высшее
счастье земное —
Работать и жить
без рабства и владык.
Плоть все подменим,
все рече и рече,
Плоть адоховою
обним и адми,
И все рукоплещут,
и все рукоплещут
С неистовой страстью
хозяев земли.
В их песни
веса
небывалых страданий,
В их песни
победа советской страны,
В их песни работа
и восторг деревни,
И восторг,
для которой они рождались,
В их песни
все то,
что они поборонили,
Что будут бороться
на победном пути,
Вся сила их сердца,
их мысли и воли,
Вся мир,
для которого надо расти.
О, песни!
Ведь нет потопки над тобою,
Нет стени для тебя,
мирового бойца!
Как радостны лица,
глаза и сердца
И руки,
гремящие страстным прибоем
Приветствия,
которым не будет конца.
— Да здравствует вождь
большевистской коммуны,
Чудесное сердце
и руки из стали!
Так было сегодня,
когда на трибуну
Поднялся
товарищ Сталин.
Зал съезда.

ЗАМЕТКИ ДЕЛЕГАТА.

ВСТРЕЧА.

Я никогда не думал, что съезд начнется с типичной. Осталась одна минута до открытия. В громадном зале Большого Кремлевского дворца стало необычайно тихо. Тысячи глаз смотрели на строгую, темную ореховую трибуну. Все делегаты сидели как-то необычно, выпрямившись, подавшись чуть вперед, — напряженно ждали.

...Сталин вышел вместе с членами Политбюро. Крупными, быстрыми шагами он пошел к столу. Что-то неповторимое по своей силе, чувству, грохоту, крикам произошло во дворце. Две тысячи делегатов вскочили с кресел, аплодировали, кричали, улыбаясь ему, родному Иосифу Виссарионовичу.

— Ура! Великому Сталину! Да здравствует наш любимый, гениальный Сталин! — могучее приветствие катилось по рядам делегатов Москвы, Украины, Ленинграда, Средней Азии, Белоруссии, Дальнего Востока. Аплодировали орденосносцы, штабисты, члены правительства, члены ЦК, академики, московские сессары, доблестные шахтеры.

Несомненно великим чувством наполнился мой гурь, что-то горячее разлилось там. Я аплодировал, кричал, и у меня бежали слезы, сердце жгло нестерпимой радостью, что вот он стоит, наш родной, величественно простой, хороший, всеми любимый Сталин. В одну минуту перебралась тысяча чувств: хотелось и обнять его, Сталина, как самого близкого, родного; бойти безоговорочно туда, куда он укажет; сделать для него подвиг, отдать жизнь.

Прошло пять, десять минут, а может

быть пелая вечность, а сотни, тысячи делегатов не утихали. Я оглянулся — и на всех лицах, во всех глазах я увидел то же чувство любви, преданности, самоотверженности. Сессарь завода № 69 Саян, не утирая слез, кричал «ура!» и аплодировал. За столом президента Лазарь Моисеевич Каганович, склонившись к Сталину, любовно в него взглядывался, приветствовал друга и вождя. И эта же любовь — в родных, любимых улыбках и горячих аплодисментах Молотова, Ворошилова, Калинин, Орджоникидзе, Косиора, Петровского, Героя Советского Союза Громова и Никиты Хрущева.

И никогда не был счастливей, когда и испытывая эту любовь и преданность великому Сталину.

Банкнотница Калининской фабрики Наталия Ивановна Яковлева нагнулась ко мне, показала мою руку, прошептала: — Какой он простой и озорной. А смеется как-то весело, охотой: самой хочется. — Родной родного, — добавляет Савкина. — И глаза называли было имя Сталина при выборах в президиум, опять с тех пор, кричал «ура!», аплодировал. Не знаю, а какие угадала, — Интернационалы, — могла бы сказать. — Интернационалы. Ее полыхнула вес с сяд. Я не умею петь, но я присоединилась к могучему хору и, выхватив за руку сессаря Савкина, повторила слова, зовущие в бой. И пел и кричал — не знаю. Гурь разрывался от радости, радости за наш героический народ, за партию.

А. АВДЕНКО.

VII СЪЕЗД СОВЕТОВ СОЮЗА ССР.

Очередное заседание VII Съезда Советов Союза ССР состоится сегодня, 29 января, в 11 часов.

ПОРЯДОК ДНЯ:

УТРОМ, В 11 ЧАСОВ. — Прения по докладу т. Молотова В. М. — отчетный доклад Правительства Союза ССР.
ВЕЧЕРОМ, В 6 ЧАСОВ. — Предложение прений по докладу т. Молотова В. М. — отчетный доклад Правительства Союза ССР.
Секретарь VII Съезда Советов Союза ССР А. ЕНУКИДЗЕ.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЯПОНСКОГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ О СТОЛКНОВЕНИИ НА МАНЧЖУРО-МОНГОЛЬСКОЙ ГРАНИЦЕ.

ТОКИО, 28 января. (ТАСС). Отвечая на вопросы иностранных корреспондентов, представитель японского министерства иностранных дел в сегодняшнем заявлении указал, что по сведениям, полученным в министерстве иностранных дел, при столкновении на манчжуро-монгольской границе 24 января убит один японский офицер и один монгольский солдат тяжело ранен. Манчжурское правительство, по словам представителя министерства иностранных дел, предложило хинганской пограничной охране начать переговоры об урегулировании инцидента на месте и не намеревается

посылать войска к месту инцидента. Японское правительство считает инцидент делом, касающимся правительства Манчжоу-Го и Внешней Монголии, и предполагает протестовать перед советским правительством в Москве в связи с инцидентом, несправедливым. Представитель министерства иностранных дел высказывает предположение, что инцидент вызван «непредвиденностью» границ между Манчжоу-Го и Внешней Монголией, и поэтому лучшим средством предотвращения является установление границ.

ЯПОНСКОЕ АГЕНТСТВО ОПРОВЕРГАЕТ СООБЩЕНИЕ СВОЕГО ХАРЬБИНСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА О ПОЛЕТЕ СОВЕТСКИХ САМОЛЕТОВ НАД СТАНЦИЕЙ ПОГРАНИЧНОЙ

ТОКИО, 25 января. (ТАСС). Харьбинский корреспондент агентства «Симбуру ренго» сообщил, что якобы сегодня утром, в 8 час. 40 мин., 4 советских самолета летели над станцией Пограничная. По сообщению корреспондента, самолеты вернулись на советскую территорию после трех минутной раз-

ведки, произведя несколько выстрелов из пулеметов. ТОКИО, 27 января. (ТАСС). Агентство «Симбуру ренго» передает, что «сообщение о полете 4 советских самолетов 25 января над станцией Пограничная официально не подтвердилось».

НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТЕМЫ.

Суд над венгерским фашизмом.

Десятый день в Будапеште продолжается процесс тов. Ракоши. Из хода судебного следствия уже с достаточной ясностью обнаружилось, что венгерский фашизм совершил большую, мягко выражаясь, неосторожность, отказавшись инсценировать этот процесс. Недаром иностранные газеты, имеющие своих представителей в зале суда, сопоставляют Будапешт с Лейпцигом, вспоминая скандальный провал германского фашизма.

Дело не только в том, что «суд» над тов. Ракоши находится в кричащем противоречии с элементарными основами даже капиталистической «закононости», — за лжива извещает «преступления», за которые тов. Ракоши уже был судим и уже отбыл 8½-летнее тюремное заключение.

Дело в том, что, осуждавший ныне, спустя 16 лет, посадить на скамью подсудимых тов. Ракоши и венгерскую пролетарскую революцию, организаторы процесса не учли, что раскрывшиеся в Будапеште страницы истории представляют грозный, уничтожающий материал против венгерской буржуазии и фашизма.

Ракоши презрительно обвиняет в «государственной измене, убийствах, насилии над личной свободой». Подобает ли венгерскому фашизму говорить о «государственной измене»? Разве можно вычеркнуть тот неоспоримый исторический факт, что именно венгерская буржуазия, в страхе перед пролетарской революцией, широко открыла доступ в страну иностранным интервентам, пресмыкалась перед ними и готова была распродать Венгрию на части, лишь бы уцелеть?

Венгерские фашисты провозглашают крошечные слезы об «убийствах» и «насилии над личной свободой», имея в виду расстрел пролетарской власти Венгрии кулаками контрреволюционеров, заведенных зрагов народа. А убийство 6 тысяч рабочих венгерскими белогвардейцами после падения советской власти, затопление в тюрьмы и концентрационные лагеря 30 тысяч революционных пролетариев? А непереработанный 16 лет фашистский террор — тысячи рабочих и крестьян наших его жертвы?

Вопли венгерских фашистов накладывают своим бесстыдством и лицемерием ведающие статьи и «протесты», с которыми выступила часть буржуазной прессы и прохвосты буржуазии вроде парижских фабрикатов по поводу расстрела в Советском Союзе убийц товарища Ирины и других белогвардейских террористов. Правящим классам, согласно кодексу капиталистической «морали», разрешается казнить и убивать без суда сотни тысяч революционных рабочих и крестьян, пытать, гнать в тюрьмах. Это, так сказать, в порядке вещей. Но когда революция опускает в цехах самооборону меч своего правосудия на головы изменников, шпионов и террористов, в газетных полторах буржуазии и в реформистских канцеляриях начинают выдвигать в притворную истерику.

Около десяти лет пролет тов. Ракоши в тюрьме. Но он остался таким же непреклонным, таким же убежденным пролетарским революционером, каким описывал его венгерская буржуазная газета «Унгар» в отчете о его первом процессе 17 ноября 1925 года.

«Не будем отрицать», — писала «Унгар», — мы испытывали некоторый стыд по поводу этой группы Ракоши. Эти люди на пороге смерти, а именно, чувствовали, что на казнь милосердие им не приходится рассчитывать, и один из них не преминул высказать свой гнев, ничего не отняв, ни от чего не отступая и эти совершили такое преступление: они не дают нам возможности презирать их. Нам стыдно, что коммунисты облажают такими людьми, для которых идея дороже, чем их жизнь, а буржуазная идея таких людей не располагает».

Такую же характеристику героическому повстанцу тов. Ракоши на теперешнем суде дают корреспонденты буржуазной печати, присутствующие на процессе. «Потрудимся», — говорится в «Пти журналь» от 25 января с. г., — окладывая над умным и живым взглядом, упорно, шаг за шагом гордо отстаивает дело коммунистической революции».

Готовилась расправа над тов. Ракоши вызвала возмущение трудящихся во всем мире. Как во времена лейпцигского суда, когда миллионы массы поднялись на защиту Димитрова и его товарищей, так и теперь клещ спасения Ракоши, не медленного его освобождения объединяет международный пролетариат, борющийся против фашистского террора.

Л. ВОЛЫНСКИЙ.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ЧАКАРЕ.

Концентрация японских войск.

ПАНХАЙ, 28 января. (Соб. корр. «Правды»). Японцы продолжают стягивать войска и военные материалы на границу Жэнь-Чжао.

«Чайна пресс» сообщает из Бейпина, что там опасаются возобновления военных действий в Чакаре, в виду задержки, наступившей в китайско-японских переговорах по поводу Чакара. Японцы предлагают начать переговоры в Датуне, вблизи границы Жэнь-Чжао, в то время как китайцы предлагают созвать конференцию в Бейпине.

26-27 января состоялась в японской конессии в Тяньцзинь военная конференция японских офицеров. На конференции присутствовал глава японской миссии в Калгане — Мацуи, который привез инструкцию от командования манчжурской армии.

Геринг прибыл в Варшаву.

ВАРШАВА, 27 января. (ТАСС). Геринг прибыл в Варшаву. На вокзале его встретили вице-президент польского охотничьего генерала Фабриций и представители министерства иностранных дел.

Геринг и его спутники присутствовали на завтраке, который дал в их честь министр иностранных дел Бек. На завтраке присутствовали также товарищи министра иностранных дел Шембек, германский посол в Варшаве фон-Мольте и польский посол в Берлине Лисийский.

Весьма на тон Геринг вышел в Белогорскую гору на президентскую охоту. ЛОНДОН, 27 января. (ТАСС). Варшавский корреспондент газеты «Обсервер» комментирует поездку Геринга в Варшаву. По словам корреспондента, эта поездка рассматривается как специально подготовленная для определения польской позиции по отношению к германскому договору, а также для определения политики обеих стран по отношению к восточному пакту.

„ФАУСТ И МЕФИСТОФЕЛЬ“.

(По телеграфу от парижского корреспондента «Правды».)

ПРИЖ, 28 января. В связи с приглашением Геринга в Варшаву руководящая печать Парижа берет под обстрел польско-германскую «дружбу».

Доминик высказывает в «Републик» уверенность, что в Варшаве будет идти речь о пересмотре послевоенных договоров и о завоевательных планах за счет Литвы, Чехословакии и Советского Союза.

«Польша стремится к прощанию», — заявляет Доминик. — Во время последней войны Германия имела секунды в лице Австро-Венгрии. Германия вступила Австро-Венгрии в войну. Австро-Венгрия должна была завоевать Сербию, Албанию и господствовать на Балканах. Но после версальского договора Германия осталась в живых, а Австро-Венгрия погибла. Так повторится

история Фауста и Мефистофеля. Дьяволу нечего терять. В результате этого тупого союза польский Фауст «может погибнуть».

Бюро сильно нападает в «Орда» на польскую внешнюю политику. «Они мечтают о великой Польше», — говорит Бюро. — Немцы обещают полякам советские территории, а тем временем требуют, чтобы им позволили обосноваться в Мемеле, и возможно, что поляки им сделают эту уступку. Достаточно посмотреть на карту Померании, чтобы понять, что если Германия будет господствовать в Литве, то наступит конец Польше вместе с ее демократией».

Бюро берет тревогу по поводу возможности в Мемеле, где, по его словам, подготовлена национал-социалистическая партия.

ПОЛЬША И ЯПОНИЯ.

Сообщение «Стар» о польско-японском соглашении.

ЛОНДОН, 28 января. (ТАСС). По сообщению вечерней «Стар», между Польшей и Японией осенью 1934 г. было заключено соглашение, условия которого до сих пор держались втайне.

Соглашение предусматривает, что в случае нападения какой-либо из сторон в состоянии войны на СССР, другая сторона обязуется соблюдать особенно благоприятнейший нейтралитет».

По словам газеты, соглашение это «очевидно будет иметь большое значение в вопросе о поставке военных материалов».

ВАРШАВА, 26 января. (ТАСС). Между двумя органами польских консерваторов — «Курьером» и «Часом» и японским «Сэю» — разразилась характерная полемика по вопросу об отношениях Польши к Японии.

На днях «Час» поместил передовую, в которой, вопреки своим прежним установкам, вежливо охотничьим языком высказывалось о политике Японии. Статья, озаглавленная «Японская политика Японии», заканчивалась следующим резюме:

«Внешняя политика Японии крайне вредна с точки зрения всеобщего мира, перспективы разоружения и восстановления морали в международной политике. Для Польши, в виду нормализации ее отношений с СССР и упрочения мира на Восточной границе, «дружба» с Японией не представляет никакой реальной ценности».

Статья «Часа» встревала редактора «Сэю» Матсукиты, который, поднимаясь с «Часом», выступает в роли яростного защитника политики Японии. Он отвергает обвинение, направленное против Японии, в том, что она является угрозой для мира. Для Польши, указывает далее Матсукита, весьма выгодна антисоветская политика Японии.

«Я решительный японифил», — заявляет в заключение Матсукита. — Существуют люди, которые не ценят японский козырь против большевизма только потому, что японские товары дешевы европейским. Такие чисто коммерческие рассуждения кажутся нам опасными».

Накануне лондонских переговоров.

(По телеграфу от парижского корреспондента «Правды».)

ПРИЖ, 28 января. Сегодня печать берет под обстрел предпринятых переговоров, которые вели в Париже Фабриций и Лисийский с английским послом.

Англичане высказались решительно за ратификацию соглашения о взаимной помощи в военных целях, заключенного в 1925 году (официально опубликовано в 1926 году).

Итальянцы, по французскому отчету, английское правительство продолжало через своего посла новую комбинацию: сначала Германия возвращается в Лигу наций, затем в Женеве начинаются переговоры о германских вооружениях, ликвидируются военные статьи версальского договора и подписывается общее соглашение о безопасности. В случае согласия Франции на это предложение Англия готова принять и в римских переговорах, предлагая также расширить действие лондонского пакта на военно-воздушную оборону.

Как сообщают «Эвр» и «Републик», Фабриций и Лисийский не приняли английских предложений. Позиция Франции такова: прежде всего Германия должна подписать восточный пакт, остальные переговоры — потом.

«Тем» пишет: «Пусть войдут в Берлин и Будапешт, что блок наций, действующих организаций латентный мир в Центральной и Восточной Европе, будет осуществлен при участии или без участия Германии и Венгрии».

Рим.

Жан-Ришар Блок о расстреле белогвардейцев-террористов.

ПРИЖ, 28 января. (ТАСС). В Париже, в зале «Метрополитен», состоялся митинг памяти Ленина, организованный Ассоциацией революционных писателей. С речами выступили представители Советской Социалистической писательской организации Жан-Ришар Блок, Муссиньяк и Поль Ивон.

Общий энтузиазм вызвала речь Жана-Ришара Блока, резко выступившего против капиталистической антисоветской кампании реформистских чиновников по поводу расстрела террористов в Советском Союзе. Блок заявил, что расстрел террористов — единственно правильная мера против убийц охотного из лучших представителей не только советского, но и мирового пролетариата — т. Кирова. Было бы преступно, подчеркнул Жан-Ришар Блок, проявлять слабость в отношении советских и на все готовых классовых врагов и добывать:

«Защитная социалистическая революция, советская власть защищает то, что для нас дороже всего на свете».

Аудитория устроила Блоку овацию.

ЗАПРЕЩЕНИЕ ВОЗДУШНЫХ ПОЛЕТОВ НАД ПЕРИЖЕМ.

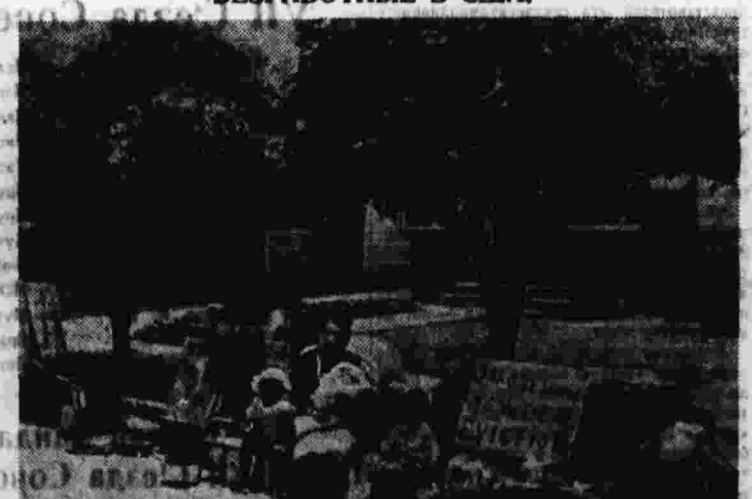
ПРИЖ, 28 января. (Соб. корр. «Правды»). Опубликован правительственный декрет, согласно которому никакой самолет, будь то гражданский или военный, не имеет права совершать полеты над Парижем. До сего времени разрешались полеты над Парижем на высоте 1.000 метров и выше.

СОБОЛЕЗНОВАНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ТУРЕЦКОГО РЕСПУБЛИКИ

АНКАРА, 27 января. (ТАСС). Директор протокольной части министерства иностранных дел посетил правительство СССР и от имени правительства Турецкой республики выразил пожелание в делах тов. Залкину соболезнование в связи со смертью тов. Куйбышева.

Рим.

БЕЗРАБОТНЫЕ В США.

Выселенная из квартиры семья безработного в Лос-Анжелесе (США). На плакатах написано: «Счастливым семейным очагом в США» (слева); «Выселены из приюта будни Буда» (справа).

ПО СТОЛБИЦАМ В стратосфере в открытой гондоле.

Модель стратостата испанского аэронавта Эмилио Эррера.

Испанский аэронавт, подполковник Эмилио Эррера предполагает совершить в начале февраля полет в стратосферу в стратостате с открытой гондолой.

Эррера будет одет в специальный костюм, содержащий электричество. Полет совершится без спутников и надоедет без помощи аэронавта в весе до 23 тыс. метров.

Стратостат и все оборудование изготовлены в испанских военных заводах. Подготовка к полету длится уже более полутора лет.

Одновременно итальянское министерство авиации организовало специальную группу летчиков для подготовки полетов в стратосферу. Дело идет об индивидуальных и групповых полетах. Согласно отчету министерства воздушных сил, летчики этой группы уже совершили полеты на высоту до 12.500 метров.

«Наша жизнь» (французский журнал).

Судейская казуистика.

Проникнувший во Флоренцию процесс о похищении и убийстве ребенка Линдберга принимает несколько неожиданный оборот. Несмотря на тяжелые улики против Гаупмана, представляется сомнительным, признает ли суд его виновным, — возмущают иностранные корреспонденты.

По мнению в распоряжении прокурора даны, Гаупман похитил ребенка, однако, как это ни странно, в похищении он формально не обвиняется. Такова казуистика буржуазного законодательства. Суть в том, что дело слушается в штате Нью-Джерси, — по месту преступления. По закону этого штата похищение не преследуется, если прошло год со времени совершения преступления. Поэтому Гаупман не привлечен к суду за похищение ребенка.

Не обвиняется он также в умышленном убийстве. Прокурор, очевидно, не имел для этого бесспорных доказательств. Он обвиняет похитителя Гаупмана в непредумышленном убийстве ребенка, происшедшем во время совершения другого преступления. Эти другим преступлением в деле Гаупмана может быть только кража. Однако, по закону штата Нью-Джерси, поскольку Гаупман не имел намерения убить или искалечить ребенка, а лишь похитить его с целью получить выкуп, то похищение ребенка не является кражей.

Таким образом, суд, чтобы требовать осуждения Гаупмана за неумышленное убийство ребенка Линдберга, может обвинить его лишь в краже... точной рубашки ребенка. С юридической точки зрения другого обвинения предъявить ему нельзя.

Не трудно представить себе, как шокируется на фоне всей этой казуистики запятанный Гаупман!

Американские газеты наводняют отчетами о деле Гаупмана. В тот день, когда Рузвельт огласил в конгрессе проект нового бюджета, «Нью-Йорк таймс» поместила бюджет 2 полосы, а «Лейд» — 7 полос. Флорентинский процесс широко используется буржуазной печатью, чтобы заскочить от нас малый ряд неприятных и запутанных проблем.

Во всяком случае газеты заработали на похищении ребенка не меньше, чем похитители. Во Флоренции говорят, что один газетный синдикат предложил Гаупману 75 тыс. долларов за то, чтобы тот представил в распоряжение синдиката «полное признание».

Наводнение в США.

Наводнение в районе реки Миссисипи становится все более угрожающим. Погибло не менее 27 человек. Острые наводнения страдают от холода и недостатка продовольствия.

Как сообщают на Сент-Луис (штат Вашингтон), от наводнения и спешных работ на северо-западной побережье Тихого океана погибли 25 человек. ТАСС.

Замерзли в горах.

В горах около Подгорицы (Югославия) найдены трупы 7 югославских солдат, застигнутых снежной бурей во время военного учения. Полагают, что трое других солдат, пропавших без вести, также замерзли в горах. ТАСС.

Иностранная хроника.

В Берлине подписан детско-германский торговый договор.

В Тулоне (Франция) состоялась антифашистская демонстрация, в которой приняло участие 7 тыс. рабочих.

В Брисселе стора «Лирический театр».

В Вашингтоне состоялась конференция одного фронта сельскохозяйственных рабочих.

Голландский спортсмен Мостенброн поставил новый мировой рекорд по плаванию, проплыв на спине в бассейне расстояние в 200 метров в 2 минуты 49 секунд. Преподульный рекорд — 2 минуты 50 секунд.

Германский министр внутренних дел направил срочку на один год распространения в Германии советского журнала «Красная звезда».

75 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА.

Ленин — читатель Чехова.

А. П. Чехов наряду с Пушкиным, Некрасовым, Шкловским, Толстым и Горьким принадлежал к числу писателей, наиболее любимых Лениным.

Самое раннее свидетельство о характере ленинского восприятия произведений Чехова относится к самарскому периоду (хотя, безусловно, Ленин читал его еще в Казани). В своих воспоминаниях о жизни Ленина в Самаре зимой 1892—1893 гг. А. И. Казарова пишет:

«...Остался у меня в памяти разговор с Володиной о полюбившемся в ту зиму в одном из журналов новой повести А. Чехова: «Палата № 6». Володя о талантливости этого рассказа, о сильном впечатлении, произведенном им, — Володя вообще любила Чехова, — он определял его лучше, чем мы, читавшие с ней этот рассказ. «Палата № 6», — сказала Володя, — это же просто-таки жутко, а не может остаться в своей памяти, а ведь и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я зашла в палату № 6». Это было поздно вечером, все разошлось по своим углам или уже спало. Переодевшись ему было не к часу. Эти слова Володи протрезвили мне завету над его душевным состоянием: для него Самара стала уже такой «Палатой № 6», он расстался с ней почти так же, как большой Чехов. И он твердо решил, что дорожит с ней следующим же осеню».

Журнал, в котором впервые был напечатан рассказ «Палата № 6», — «Русская мысль», 1892 г., № 11. Этот журнал двадцатипятилетний Ленин брал в своей Самарской библиотеке. В архиве этой библиотеки нашлись экземпляры на имя Ульяновых за 1893 год. Характер заметки свидетельствует о том, что этот экземпляр в основном пользовался Владимир Ильич. Кроме того, в архиве есть переписка отделе писем журналов «Русское богатство», «Восток Европы», «Русская мысль» и «Северный вестник» за последние месяцы 1892 года и за первые месяцы 1893 года (два номера «Русского богатства» за 1893 год сохранились даже с пометками Ленина). Кроме «Палаты № 6», в «Русской мысли» в те месяцы была помещена «Рассказ неизвестного человека», а в «Северном вестнике» — рассказ «Июль». Это были единственные журналы, которыми пользовался Владимир Ильич, пока он в Самаре. Чехов же в Петербург (см. А. Бухарский: «Ленин — читатель Самарской библиотеки», «Книголюб», 1924 г., № 13, и У. Ленинский сборник, стр. 552).

Ленин следил за чеховскими новинками и в последующие годы. 31 января 1901 года на основе Московского Художественного театра впервые была поставлена пьеса «Три сестры». Напечатана она была в февральской книжке «Русской мысли» за тот же год. И уже 7 (20) февраля Ленин пишет из Москвы своей матери в Москву: «Вымазали ли в театре? Что за новая пьеса Чехова «Три сестры»? Выдали ли ее в как раньше? Я читал отзывы в газетах. Превосходно играют в «Художественном-общественном», до сих пор вспоминаю с удовольствием свое посещение в прошлом году вместе с беднягой Булыгиным (И. Х. Аладин, стр. 262). По словам В. К. Брусилова, Ленин похвалился другой пьесой Чехова — «Дядя Ваня», которую он смотрел в Московском Художественном театре после революции.

24 декабря 1904 г. (т. е. через 5 месяцев после смерти Чехова) Ленин по времени речи А. В. Луначарского на одном партийном собрании записал: «Русское безразличие» (Чехов). (У. Ленинский сборник, стр. 283).

В 1912—1916 гг. М. П. Чехова выпустила шеститомное издание писем брата.

Надпись имела большой успех среди самых различных слоев населения России; эти письма показали Чехова «близким» — интеллигентного, остроумного, культурного собеседника. Эти надписи заговорились и в Ленин. В письме к В. А. Карпинскому из Цюриха от 11 апреля 1916 года Н. К. Брусилов пишет: «Владимир Ильич просит прислать письма Чехова, если что есть нового из Горького, Фауста по-русски» (У. Ленинский сборник, стр. 219).

После революции Ленин неоднократно перечитывал Чехова. В сентябре 1918 года, когда Ленин стал поправляться после ранения, он составил список книг для чтения, в котором значилось: «Чехова Смирилина». Ленин, очевидно, вспоминал чеховский рассказ «Палата № 6» и заветы сына на его переписку. (У. Ленинский сборник, стр. 283).

В августе 1919 года Ленин просмотрел ряд номеров «Книжной летописи» за 1917, 1918 и 1919 гг. и сделал отметки около тех книг, которые его заинтересовали и которые он просил достать ему. Помимо изданий по политическим и историческим вопросам, Ленин отметил ряд книг и по литературе, при чем брошюры в глаза особая заинтересованность Ленина проявлялась книжки Чехова. Так, в № 1 «Книжной летописи» за 1919 год Ленин восторженно оценил кружок отрывки XVII том сочинений Чехова. В № 3 «Летописи» 1919 г. Ленин отметил XVIII том собрания сочинений, в котором также напечатаны художественные произведения Чехова. На 223 книги, перечисленных в № 9 «Летописи» за тот же год, Ленин отмечает только одного Чехова (XVII том), хотя в этом же указателе, почти рядом, имеются указания на только что вышедшие произведения Вересаева, Короленки, Помяловского, Шкловского. На первой странице этого выпуска «Летописи» Ленин снова повторил указание на XVII том. И, наконец, на первой странице № 10 «Книжной летописи» за 1919 год Ленин отметил: «Чехов (отсутствующие тома)». В этом номере «Летописи» помещено описание XIX, XX и XXI томов сочинений Чехова. Во всех просмотренных номерах «Книжной летописи» Ленин не пропустил ни одного чеховского тома.

Образы чеховских персонажей сильно запечатлелись у Ленина, он уже в самых ранних работах неоднократно пользовался ими для сравнений. Так, еще при жизни Чехова Ленин пользуется для сравнения образом «Человека в футляре». Этот рассказ появился в нильской книжке «Русской мысли» 1898 года, а уже в 1901 году в статье «Внутреннее обозрение» Ленин говорит о реакционерах: «Пространство шитое в себя тот дух низкопоклонства и бумажного отношения к делу, который царит во всей иерархии российского чиновничества, или покорительности относится ко всем, кто непокорен на тогловесном Аладине-Аладине или, употребляя более современное сравнение, на человека в футляре» (т. IV, стр. 316). В работах Ленина имеется до двух десятков сравнений с образом человека в футляре. В ленинских статьях встречается и другой чеховский образ — «Душечки». Одна из ленинских заметок так и названа: «Социал-демократическая душечка», и посвящена она Петрову. И, наконец, несомненно для Ленин иронически цитирует шаловливые выражения учителя географии из рассказа «Учитель словесности».

В своих воспоминаниях о Ленине Н. К. Брусилов пишет: «Владимир Ильич при выборе книг по библиотеке особенно любил те книги, в которых отражалась в художественном произведении те или иные общественные явления. Очевидно, поэтому Ленин так любил произведения Чехова и так часто обращался к его образам».

И. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН.

А. П. Чехов и А. М. Горький в мае 1908 г. в Ялте. С фотографии, хранящейся в Литературном музее.

Чехов помогает нам бороться.

Чехов много читали, читают и будут читать. Он еще очень долгое время не выйдет из списков тех авторов, в которых охотнее обращаются читатели в различных кругах нашего общества, в том числе и из круга технической интеллигенции, в который принадлежал и он.

Чехов своими произведениями у своего поколения вызвал глубокое отражение по своему малочисленному, пошлостью и заставлял пережить отсутствие нравственной и общественной выдержки. Этой последней стороной творчества Чехова и определяется его исключительное значение.

Чехов — летописец духовного возрождения старой русской интеллигенции, раз-

нувшись перед нами трагично и пошлостью революционной русской жизни, он был не в состоянии будущего, и какой-то новой, яркой жизни, тем самым способствуя обновлению общества — революции. В этом — его огромная заслуга.

Но и в настоящее время творчество Чехова продолжает сохранять свое значение. Он — не только исторический документ, но и писатель, помогающий нам бороться с нравственной расхлябанностью и неполнотой буржуазных пережитков.

М. ЯКОВЛЕВ.

Профессор физики Пермского государственного университета.

Любимый писатель широчайших масс

Чехов прежде всего удивительный мастер маленького рассказа («Фрунт», «Доктор»). И Чехов не только читал, но и изучал его. Искренность, точность и гибкость языка в нем поразительны. Умение в простой форме так резко обрисовать каждую деталь в рассказе, умение отыскать самое главное, неуловимое лишним пережитком — это главное достоинство мастерства Чехова. После того, как прочтешь хотя бы один рассказ Чехова и сравнишь его с произведениями нашего начального школьного учителя, кажется, что слезы о нем на полпути, грубо сказано. Однако, что такой большой мастер художественного слова описывал маленьких, ничтожных людей, не падал в жизни героического, не противопоставлял им больших людей, людей большой воли, огромной и жаждущей свободы.

С произведениями Чехова я познакомился давно, еще задолго до революции. К тому времени я уже имел представление о том, что общество делится на массы, и был революционно настроен. Я принимал участие в распространении прокламаций и получал боевое крещение при разгоне митингов.

Чехов произвел на меня значительно большее впечатление, чем Горький и Решетников. Произведения этих писателей являлись к борьбе, чего нельзя сказать про произведения Чехова. Однако я читал его с большим интересом. И я теперь, когда познал пре-

терпеческое Чехов в своих рассказах не забываю, горькая прощающая звучит в каждом его произведении. Две величайшие фигуры русской литературы шли в одно и то же время по разным дорогам: Горький и Чехов.

Безнадежность, тоска, пошлость, чуждость, обреченность Чеховым ярко и правдиво, но борьба с этой пошлостью, борьба со страстью, порождающей эту пошлость, Чехов не показывает, как это делает Горький. — В этом огромный недостаток Чехова, его близорукость.

Чехов навсегда останется любимым писателем широчайших масс. Мы любим его за яркость образов, за умение показать нам обаятельную парочку таланта, каковы они были.

ТОМАШИН Н. В.

Промышленник, Московский Пролетарский строительный динамик.

Мастер слова.

Я, заглядывая в книги Чехова. Его я считаю крупным мастером слова. Наши современные писатели есть чему поучиться у Чехова.

Почему, большой роли в формировании моего революционного сознания Чехов не играл, значительно больше влиял великий пролетарский писатель Максим Горький, но Чехова я ценю как крупного писателя, достигшего мне большое художественное наследие.

М. А. ЗАЙЦЕВ.

Мастер индустриального цикла завода «Шарнироподшипники».

Чехов о „толстых“ журналах.

(Неопубликованное письмо А. П. Чехова к И. Н. Потанину).

В 1903 году приятель А. П. Чехова писатель И. Н. Потанин решил издавать журнал.

21 февраля в письме к Чехову Потанин писал: «Я возвращаюсь к старой мечте о своем журнале и собрал маленькую армию для издания его. Нам трое: Мамин-Сибиряк, Вас. Пешков-Данченко и я. Но мы малоем тебя, наш четвертого... Журнал начнется 1 января 1904 г., но хвалитесь тут же» (письмо не датировано). На это предложение Чехов отвечал 24 февраля 1903 г., он писал, что не может жить в Петербурге и, следовательно, как издатель не может влиять на журнал, а главное, что по главе журнала должно быть одно лицо, один хозяин.

7 марта 1903 г. Потанин писал Чехову: «Ты сам понимаешь, как ты нужен нам для успеха дела. Одно из отличий журнала в глазах публики будет то, что он издается четырьмя литераторами, и если в числе их будет Леон Чехов, то успех издания обеспечен» (письмо не датировано).

Ответа на это письмо Чехов не дал, но в письме к И. Н. Потанину 12 марта 1903.

Вот, милый мой Ильяс, нам надо поговорить и поговорить, а так мы едва ли устроим друг друга. Я пишу тебе, что я нездоров, что все время буду жить за границей, а ты потворишь свое предложение — подписываться соизволишь. Стало быть, я буду даром деньги получать, так, что ли? Ты пишешь, что я боюсь, как бы не пошлость в легкомысленное дело и не оказаться в глупом положении. Ничего подобного я не писал тебе и не понимаю, откуда ты почерпнул это. Я повторяю: не могу быть хозяином или соавтором, потому что здоровье мое непереносимо и потому что я живу в Петербурге. Намекаешь же хитрым, и не пишешь ли — это как-то не укладывается у меня в сознании.

Вероятно, всего, что я тебе не понимаю. Лучше бы всего поговорить как до моего отъезда за границу. В Москве я буду в конце апреля, в конце мая. За границу поеду 1 июня, в Швейцарию. О том, где я буду в Швейцарии, сообщу тебе моя жена, которая на своей неделе будет в Петербурге купно со всем театром.

К моему болен прибавился у меня плеврит, который держался почти всю зиму до весны; и теперь осталось еще неизлечимо.

Смелый новатор.

Чехов гениален во всем: в юмористических рассказах, в «серьезной» беллетристике, в драмах, в теоретических высказываниях, в письмах.

Хорошую книгу можно определить по следующему признаку: после прочтения она забывается. Однако, не это так. Казалось бы, должно быть наоборот: хорошая книга должна запоминаться во всех своих деталях. Однако происходит обратное: ту книгу, которая поразила твое воображение, всякий раз читаешь как бы заново. Помнишь только в общих чертах сюжет, помнишь, кто действует, но, принимаясь за очередное чтение, новые страницы получаешь как бы в подарок.

Чем является, это — свойство великих книг. Этих свойств обладают книги Чехова. Я и потому так люблю «Рассказ неизвестного человека». Но он как бы пишется для меня постоянно.

Чехов был новатором. После него стали писать иначе. Сама фактура прозы изменилась.

Тургеневский пейзаж кажется абстрактным в сравнении с пейзажем Чехова. Мир природы и вещей стал ярче видным в произведениях Чехова.

Любовь Толстого к Чехову особым светом

В главном управлении будут держать твоё прошение не три месяца, как ты пишешь, а, вероятно, не больше недели. На сию, раз журнал издается и редактирует Потанин, то уж этого достаточно, и ни Мамин, ни Чехов не прибавят ничего, уверяю тебя. Мы, т. е. я, ты и Мамин, — люди одного поколения. А вот если бы ты был в сордакторы моего-будущего журнала, например, Леонида Андреева, тогда другое дело, пожалуй.

Ну, будь здоров и благополучен, желаю тебе всего хорошего. Обнимаю тебя крепко.

Твой А. Чехов.

Здесь упомяну привести мнение Чехова о толстых журналах, передаваемое И. Н. Потанином и его не исключительных воспоминаниях: «Потанин, наш журнал отжил. Нужно что-то другое. Адамашка — это хорошо. Но это — перемена. Это ведь — чисто случайное. Вероятно, просто-напросто, нужен тот же самый журнал, только совершенно реформированный. Может быть, двухтомный, а то и нескольких книжками. Переводы тридцати печатных листов — черту. Вместо них в каждом номере — интересная заграничная корреспонденция. Париж, Лондон, Берлин, Рим, Константинополь. Общее число печатных листов должно быть увеличено».

Чехов сомневался в целесообразности создания новых журналов, тогда и старые, как «Восток Европы», «Русское богатство», «Русская мысль», «Мир божий», рассказывали об этом в письмах к Потанину. «В России», — говорил Чехов (при этом выдержку из тех же воспоминаний Потанина), — это материал измученный человек. Значит, одна книжка журнала фактически приходится на три тысячи человек. В России есть полные города, куда не вытесняются ни один человек, хотя там и есть интеллигенция, хотя туда устремляются карты выписываются чуть ли не нагишом. В России, правда, в Сибири, но все же — там еще дикая полосу: большие губернии и области, куда, например, «Восток Европы» исполнит веком вытесняется в одном экземпляре. На всю область, величину с пол-Европы!».

Таков был культурный уровень парской России в начале нашего века!

Г. ПРОКОФОВ.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ.

ПИСАТЕЛЬ—ВРАЧ ПАЛАТЫ ОБРЕЧЕННЫХ

1. Шкляр умер в 1889 году, в глупую пору общественной реакции, когда только марксистский взгляд мог различить брожуший расцвет нового периода, связанного с рабочим движением. Буржуазная интеллигенция считала Шклярину той либеральной пошлой словесностью, над которой покойный так же надвигался. Никто не расслышал тогда и не мог расслышать удивительных слов, которые сказаны в частном письме молодой, только что изданный в «Обществе» литературе писатель, еще не раставшийся с несомненным пошлостью — Антоша Чехонте. А он написал: «Мне жаль Шклярского. Это была крепкая, сильная голова. Тот особый дух, который живет в нем, возмущался, возмущался, возмущался русским интеллигентом среднего пошлости, который в нем своего самого упорного и назойливого врага. Обладать умеет каждый глупец... но открыто презирать умел один только Шклярский».

Словотворец! — это сказано сильно и совсем по-шклярски. Ясно — Чехов не только читал Шклярского, но и понимал его. Сопоставление этих имен кажется странным: что же общего между ними, суровым, колючим Шклярским и мягким, снисходительным Чеховым? Но разве не все известное, высказанное глубоким сатирическим содержанием образы человека и футляре, угнетенного Пришибею. Душечки не продолжают галерею шклярских типов, хотя бы и в особой, своей собственной чеховской манере?

Нет необходимости перебирать отдельные чеховские образы. Если взглянуть их всех по очереди, по именам на рассказы и повести — врач, чиновник, инженер, либеральный помещик, писатель, журналист, офицер, актер, адвокат, все армия буржуазной интеллигенции, все дореволюционная Россия в первой своей, интеллигентской простоте, и если и есть среди них такие, которые свободны сами от «словотворческого» духа, то все равно они погубили душевно среди пошлости этой атмосферы мелкого душевного

мещанинства. Большинство пораженно «словотворчеством», меньшинство страдает драматическим бессилием.

И если в произведениях Шклярского пролетариат России 60—80-х годов, и несомненно истинным служит для нас изучения в лицах и образах эпохи разлагавшегося крепостнического общества и нарождающегося капиталистического, то в рассказах и пьесах Чехова — драгоценный источник для знакомства со всей в сущности дореволюционной порой, в особенности же с 90-ми годами. Капитализм переживает полосу своего расцвета, и буржуазная интеллигенция, притягивая «словотворческий» дух по пыльным словам о культурном своем призвании.

Борис новейшего контрреволюционного саботажа буржуазной интеллигенции, предвещающего некоторой ее части, упорного сопротивления пролетарской революции можно проследить по произведениям Чехова, как по материалу предвостановительного слухания. И тут же можно найти не мало таких работников науки и культуры, которые честно и самоотверженно служили своему делу, но в обстановке «словотворческой» эпохи были обречены на одиночество, на бессилие, нередко на гибель. Достаточно вспомнить старого профессора и академика из «Скудной истории» и для полноты картины сопоставить с этим замечательным чеховским образом подлинную речь академика Ваха на московском областном съезде советов.

2.

Пожалуй, наиболее хранимая, наиболее жалкая фигура в чеховской коллекции — это Ласевский из «Дуэли». Своим драматическим бессилием, своей либеральной болтовней на развращенные темы он вызывает жалкое чувство у зрителя и будущего поколения — Артемий — фон-Борен. Фон-Борен говорит даже, что Ласевский — это уничтожить. Добродушный доктор Самойлович спрашивает в ужасе:

— Скажи мне, если бы того... палеж, государство или общество поручило бы тебе уничтожить его, ты бы... решился?

— Рука бы не дрогнула, — отвечает фон-Борен.

Он, действительно, пытается расстрелять Ласевского, вызвав его на дуэль. Это совсем не «по-чеховски». И, конечно, фон-Борен, — эта печальная копия Базаарова в 90-х годах, — глубоко несправедлив Чехову. Однако сам Чехов систематически уничтожает своих интеллигентов, и ни у одного из русских писателей (разве у Достоевского) не гремит так часто револьвер. В «Чайке» Треплев стреляется драматично и умирает себя, Иванов, как и Треплев, заканчивает пьесу самоубийством. Дядя Ваня стреляет в профессора. Барона Тухомла убивает офицер («Три сестры»). Фон-Борен стреляется с Ласевским... И это совсем не случайно. В сущности, и у тех, кто не стреляется, положение такое, что надо бы кончить с собой. Что такое, до Чехова, жизнь бедной Соли из «Дяди Вани», или трех сестер, как не жизнь высшей меры наказания помещикам заключенным?

Нет выхода у дореволюционной буржуазной интеллигенции. Она обречена. И Ласевский, милый, пошлый писатель Чехов стоит среди этих обреченных и как врач ставит неизлечимый диагноз: смерть. И не только буржуазная интеллигенция обречена на смертельный недуг, а и все буржуазное общество. Писатель Чехов так и говорит о нем самым врачом, а термином и в «Сле» «история болезни»:

«...Он, как некий, правильно сформулированный хронический страдалец, коренная причина которого была неопределенна и неслучайна, и на фоне которой как на недрожущем, привычном фоне была тоже неслучайна и неслучайна, а все ужаснейшая и жуткая фобическая не слепота инстинктов, но парализованная их в течение инстинктивных болезней». («Случай из практики»).

Достаточно поставить правдивый, наглядный диагноз, чтобы человек, который так ясно видел признаки смерти на лицах своих героев и так спокойно писал их на смерть. А в чем причина болезни буржуазного общества и как уничтожить ее?

нута болезнь, этого писатель-врач не знал. Он не видел ни в какие абстрактные рецепты, относящиеся к нему с ясностью, и это одно ступило его много выше всех современных ему писателей.

3.

Чехов был врачом. Это не просто справедливо, это было его призванием, и в сущности, несомненно литературе обстоятельство. Чехов получал и условия медицинского образования, которое стало для него научным мировоззрением. К людям и явлениям буржуазного общества он подходил как в больном. Отсюда его искренности, тревожность, его материализм. Он не существовал своим чуждым всякой инстинктом, хотя и погрешал в отдельных незначительных рассказах инстинктивным фразизмом.

Но это был, конечно, материализм человека, получившего только естественно-научное образование, материализм буржуазного врача. С этим связаны были обычные недостатки механистического буржуазного мировоззрения. В молодости своей, выросший в обстановке позитивистской реакции и критики прежнего, идеалистического религиозного мировоззрения, Чехов на всю свою жизнь сохранял евангелическое отношение к «словотворческому» буржуазной интеллигенции и всего буржуазного общества — это и результат и симптом незначительной общественной болезни. Но причина ему оставалась неясна, и средств борьбы с этой «болезнью» он не знал. Он правдиво относился к либеральному анахоризму, но скептически относился и к марксизму. В рабочем движении он не рассматривал новой силы. В крестьянских видах только оплошную темную массу.

Он предчувствовал революцию, но и в ней относился сдержанно, как врач, который ничего не может сказать о явлении, если не видел его, не прощупал своей рукой. Скептицизм человека, который почти всю свою жизнь провел в «словотворческой» среде, борющейся с разложившейся, которая наступает нечетко совсем новое. Максим Горький в своем лице воплощал для Чехова ту, где-то за горизонтом назревавшую революцию. Чехов любил Горького, — но и был какой-то холоден в их отношениях. Писатель-скептик дружелюбно, но недоверчиво относился к писателю-энтузиасту.

Именно потому, что Чехов не знал, в чем причина смертельной болезни буржу-

азного общества, и не верил, что можно бороться с этим обществом, не видел никаких общественных сил для этого, — он не любил борьбы. В нем было достаточно личного мужества для протеста против угнетающей атмосферы парализма, и его отказ от звания академика после того, как приказом царя был исключен из Академии наук А. М. Горький, был политическим выступлением. Его политическое симпатии были с буржуазной демократией, но в борьбе партий он занимал позицию «в стороне от схватки». Это была позиция врача, а не борца.

Среди буржуазной интеллигенции своего времени он был действительно, как врач в палате среди безнадежно больных, среди обреченных. В диалогическом своем он был беспощаден. Как у Шклярского, у него была сильная, крепкая голова. Искренность и простота мысли выражались в простоте и искренности его творчества, в чудесном его юморе, и таким же простым, ясным, пушкинским прозрачным, пушкинским интеллигентным был его язык. Но своих осужденных на смерть героев он не преследовал, а, как врач, жалел и для каждого находил ласковое, утешительное слово. Он не знал гнева, или скрытого гнева, и презрение к буржуазной интеллигенции смачивалось грустью. Он не колебался, подписывая смертный приговор «Випсному саду», но с обреченными его академикскими профессорами, как с близкими и милыми людьми. Он действительно был им близок по промозглости своему, по всем своим роковым и литературным связям. И хотя сам полагаясь высоко над классовой силой своей и презирая ее ограниченность, но был заражен ее неуверенностью и носил в душе своей неверие, скептицизм, боязнь прямой и решительной борьбы.

4.

Когда он заставлял своих героев говорить, что жизнь «через двести лет» будет прекрасна, то была в этом его добродушная ирония, но была злоба насмешки. Чехов не верил, что наступит время, когда жизнь будет прекрасной. Он не случайно указывал сроки, которые, по его мнению, выносила ласка за пределы буржуазной демократии. «Через двести лет» — это значило: совсем в других общественных условиях, и в рассказе «Случай из практики» он даже уточнил общий характер этих ус-

ловий: когда исчезнет капитализм. Культура в обширном смысле этого слова, как уничтожение всякой грязи, тесноты, сплоченности духа в отношении, была его идеалом. Этому идеалу не хватало действительности, потому что не было действительности в натуре Чехова, и не случайно он всех своих действительных героев наделял чертами отрицательными и делал их неспасительными. Такой доктор Дюва в «Иванове», такой фон-Борен в «Дуэли». Это непременно жесткие, ограниченные и самодовольные люди. Тип нового действительного человека, тип революционера не давался Чехову. Студента в «Випсному саду» он сделал чудачком и фигурой комической. Революционное рабочее движение делалось заметным явлением в русской общественной жизни. Появились первые большевики — люди замечательные, выдающиеся силы, оригинального ума. Чехов их не заметил. Так врач не замечает здоровых людей.

Принял ли бы Чехов пролетарскую революцию? Вопрос этот не праздный. Чехов ведь не случайно остается одним из наиболее любимых писателей советской страны. И то, чего он не договорил сам, докладывал за него писатели, ростовские ему по своему писательскому складу, его братья по любви к большой культуре, не вмешивались в рамки буржуазного общества. Чехов стоит в одном ряду с Анатолем Франсом, с Романом Ролланом, у них есть общие черты, и у нас нет никаких оснований думать, что с пролетарской революцией, открывшей путь всему человечеству к новой великой культуре, Чехов отнесся бы иначе, чем Анатоль Франс и Роман Роллан. Можно сказать с уверенностью, что Чехов не оказался бы с теми, кто сплоченный дух свой не может прикрыть уже никакими «демократическими» фразами.

А Чехов не только любимый, но и необходимый писатель в советской стране. Конечно, не все его произведения сохранили и свежест яркости и близость новому читателю. Нет нужды акцентировать его литературный облик и из писателя, жалкого обреченного и смотрящего на них с мягкой улыбкой, делать злого сатирика и борца. Но чудесный язык Чехова, его замечательное мастерство, его превосходный юмор — это богатейшее достояние в классическом наследстве, получившем пролетариатом.

ЮРИЙ ОЛЕША.

